

Валентин Янин

Новгородские посадники

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В15

В15 **Валентин Янин**
Новгородские посадники / Валентин Янин – М.: Книга по Требованию, 2019. – 510 с.

ISBN 5-94457-106-3

Книга посвящена исследованию главного института политической власти новгородского боярства с момента его возникновения до падения самостоятельности Великого Новгорода в 1478 г. Ее первое издание было опубликовано в 1962 г. С тех пор прошли четыре десятилетия, которые обогатили науку громадным числом новых источников, в первую очередь - сотнями берестяных грамот XI-V вв., обнаруженных в ходе раскопок. В это же время продолжалась работа по уточнению дат новгородских актов, содержащих имена посадников, рассматривались более убедительные версии территориальной локализации новгородских бояр, изучались материалы посадничьих родословий. Резко увеличился объем материалов новгородской сфрагистики. Многие выводы, предложенные в первом издании, были уточнены. Все это побудило автора предложить новое, существенно пересмотренное и дополненное издание этой монографии.

ISBN 5-94457-106-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ

В истории средневековой Руси Новгороду принадлежит значительное и своеобразное место. Это своеобразие, обусловленное неповторимыми особенностями новгородского государственного строя, никогда не перестанет привлекать внимание исследователей. Биение пульса общественной жизни в Новгороде было более частым, чем во многих других современных ему русских государствах. Более высокой была в нем и политическая активность всех слоев общества, степень воздействия которых на формирование новгородских государственных институтов определялась их прямым или косвенным участием в политической жизни города и государства.

Своеобразие новгородской государственности таково, что ставит в тупик любого исследователя, поставившего целью определить в простейших формулах ее характер. Новгородский «вечевой строй» привычно называют республикой. Однако на протяжении всего периода независимости структура новгородского государства неизменно включала княжеский стол. Неверно было бы включать Новгород и в число древнерусских княжеств, как это не так давно было сделано, например, в одном из коллективных сборников¹. Договорные грамоты Новгорода с князьями демонстрируют столь высокую степень ограничения княжеской власти органами боярской государственности, что князь в Новгороде предстает лишь одним из правящих органов властной системы. В эпоху расцвета новгородской государственности в XIII—XIV вв. он не имеет права собирать государственные доходы «своими людьми», владеть землей в новгородских пределах и «кончать суд без посадника» в совместном с посадником суде; новгородцы же вольны пригласить князя и изгнать его по своему желанию. Новгородская государственность, следовательно, предстает перед нами как сложный симбиоз органов республиканской и княжеской власти, соотношение которых отнюдь не неизменно.

¹ Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.

Отличаясь своеобразием, новгородская средневековая государственность была в то же время чисто русским явлением — одним из вариантов феодально-государства, вызванного к жизни теми же общеисторическими закономерностями, которые действовали повсюду на территории раздробленной Русской земли. Причины, породившие новгородскую государственность и определившие ее многочисленные позднейшие преобразования, заслуживают самого пристального внимания. Наиболее важен вопрос о формах развития в Новгороде социальной борьбы, который невозможно рассматривать, обособившись от истории его государственных институтов.

Этот вопрос не только важен, но и сложен. Все те явления новгородской государственной жизни, которые в своей совокупности кратко называются «вечевым строем», постоянно вели к представлению о существовании в Новгороде народоправства. В русской литературе первой половины XIX в. прочно утвердилась мысль о Новгороде как символе вольности и народной свободы:

Глас любезнейший народу,
Гнусна рабства грозный враг!
Глас, вещающий свободу
И тиранам гордый страх!
Век по стогнам раздавайся,
И свободу здесь тверди,
В сердце вольном отзывайся,
И блаженства нам блюди! ²

Эти строки Ф. Ф. Иванова прекрасно характеризуют популярное представление старой русской исторической литературы о вечевом строе Новгорода, сыгравшее роль в формировании демократических взглядов А. Н. Радищева, декабристов и А. И. Герцена, но неверное по своему существу.

Вечевой строй сравнительно с организацией управления в княжествах в самом деле отличался видимыми чертами демократизма в его средневековых формах, но этот демократизм иллюзорен. Новгородский вечевой строй является образцом демократии в ее боярском варианте. Власть в Новгородском государстве принадлежала не какому-то идеальному межклассовому сообществу, а богатейшим землевладельцам, на что, в частности, указывает численность общегородского веча, которое в немецком источнике 1331 г. носит название «300 золотых поясов». По-видимому, этот термин к XIV в. был реликтом, отражая былое равное представительство трех древнейших концов. Когда концов стало пять, число вечников могло возрасти до пятисот, а это примерное число крупных городских усадеб Новгорода и, следовательно, коли-

² *Иванов Ф. Ф.* Марфа Посадница. М., 1824.

чество богатейших дворовладельцев. Представления Н. М. Карамзина о десяти тысячах вечников никак не вписываются в топографию вечевой площади, вместимость которой соответствует нескольким сотням, но никак не тысячам участников.

В нашу задачу входит рассмотрение главной проблемы — вопроса о связи развития новгородских государственных институтов с историей политической борьбы, прежде всего с историей борьбы внутри главного правящего сословия — боярства.

Еще в исследованиях В. В. Пассека, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. А. Рожкова было обращено внимание на обычное противопоставление летописцем Софийской стороны Новгорода — Торговой стороне. Это противопоставление приобретает тем большую конкретность, что на протяжении XII—XV вв. стороны неоднократно выступают одна против другой с оружием в руках, а Великий мост, соединяющий обе половины Новгорода, служит привычным местом схватки или разбирается для укрепления обороны.

Противопоставление сторон летописцем породило чрезвычайно распространенный в старой литературе вывод о том, что Волхов был не только административной, но и классовой границей внутри города. В. В. Пассек приходил к заключению, что Софийская сторона была заселена боярами-землевладельцами, тогда как основное население Торговой стороны составляли ремесленники и купцы: «Все без исключения данные говорят, что Софийская сторона была стороною боярскою, а Торговая сторона — стороною купеческого или черного народа»³. В. В. Пассек не допускал даже мысли, что кто-либо из бояр мог жить на Торговой стороне. Обратив внимание на возникновение время от времени коалиции Торговой стороны и Неревского конца, он писал по этому поводу: «Козни и соперничества между боярскими семьями уже в XIII столетии раскрывали возможность для Торговой стороны найти между боярами таких лиц, которые готовы были вести ее или идти с ней против своих же братьев бояр, против главы боярства и всего Новгорода — против посадника, мало того, давали возможность Торговой стороне найти себе естественную опору в целой толпе бояр — в целом конце»⁴.

Подобный взгляд продемонстрирован и в работах В. О. Ключевского: «Когда народ подозревал или видел со стороны выборных властей либо всего правящего класса замыслы или действия, казавшиеся ему преступными или опасными, тогда вече, преобразуясь в верховное судилище, получало не всенародный, а простонародный состав, становилось односторонним, представляя одну

³ Пассек В. Новгород сам в себе // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1869. Кн. 4. С. 115.

⁴ Там же.

лишь Торговую, черную сторону во главе с боярами демократической партии»⁵.

Причудливая трансформация тех же взглядов присуща известной работе Н. А. Рожкова о новгородских политических партиях⁶. Н. А. Рожков утверждал, что Торговая, а не Софийская сторона была оплотом боярства, а Софийская, напротив, оказывается демократической. Однако, по Н. А. Рожкову, боярами были равно и «аристократы», и «демократы», возглавлявшие каждую свою сторону.

М. Н. Покровский, бывший последним сторонником классово-территориального деления Новгорода, вновь оперировал распространенными со времен В. В. Пассека представлениями, населяя Торговую сторону купечеством, а Софийскую — боярами. Правда, в полном соответствии со своими методологическими установками, М. Н. Покровский видел в политической борьбе иные закономерности и иные причины. По его мнению, боярство вообще не играло никакой роли в государственном управлении Новгородом: «Новгород дает нам полную картину той эволюции, первые этапы которой мы могли изучать в истории Киева. Патриархальную аристократию сменила не олигархия крупных собственников, а демократия „купцов“ и „черных людей“ — мелких торговцев и ремесленников, „плебеев“»⁷. Поэтому городские восстания в Новгороде, по М. Н. Покровскому, принимали форму борьбы должников с кредиторами. Признавая классово-территориальный характер административного деления Новгорода, М. Н. Покровский не придавал ему сколько-нибудь существенного значения: мелкие купцы боролись с крупными купцами на своей Торговой стороне, где против купцов выступали также и ремесленники.

Критика теории М. Н. Покровского, предпринятая в 1930-е гг., привела к правильному пониманию социальной сущности новгородской олигархии, связь которой с крупным и крупнейшим землевладением была доказана многочисленными документальными данными⁸.

Широко распространенный в прошлом взгляд на классовый антагонизм сторон Новгорода полностью отвергнут исследованием фактов, говорящих о равномерном заселении Новгорода представителями всех слоев общества. Нема-

⁵ *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 2. М., 1912. С. 114 и сл.

⁶ *Рожков Н.* Политические партии в Великом Новгороде XIII—XV вв. // Журнал Министерства народного просвещения. 1901, март. С. 241—286.

⁷ *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен. Т. 1. М., 1920. С. 112.

⁸ *Ариховский А. В.* К истории Новгорода // Исторические записки. 1938. № 2; *Тараканова-Белкина С. А.* Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятнах в домосковское время. М., 1939; *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961.

ловажную роль в преодолении этих представлений сыграли еще на рубеже XIX и XX вв. работы А. Г. Ильинского, В. В. Майкова и А. М. Гневушева⁹, в которых впервые были изучены данные писцовых и разметных книг XVI в., сохранивших массу реликтовых сведений о местожительстве новгородцев последнего этапа независимости. Статистически обработанные, эти данные позволили предпринять подсчет населения различных районов Новгорода и даже отдельных его улиц по социальным группам и обосновать бесспорный вывод о том, что «торгово-промышленное» население, равно как и другие сословия Новгорода, жило и на Торговой, и на Софийской сторонах города.

Для более раннего времени, недостаточно освещенного письменными источниками, решающее слово было сказано археологическими исследованиями. Раскопки, произведенные в разных районах Новгорода, показали повсеместную распространенность ремесленных мастерских, а следовательно, и отсутствие каких-либо замкнутых районов, заселенных исключительно черным людом. О том же говорят и данные микротопонимики, отразившей в названиях концов и улиц существование ремесленного населения во всех районах Новгорода (Плотницкий конец, Щитная улица на Торговой стороне; Гончарский конец, Кожевники, Холопья улица на Софийской стороне).

Более того, раскопками была открыта и изучена структура городского боярского землевладения. Был выяснен его клановый характер. Разветвленная боярская семья, ведущая происхождение от общего предка, владела группой компактно расположенных усадеб, на территории которых кроме господского дома находились хозяйственные помещения, жилища челяди и ремесленные мастерские. Набор таких мастерских разного профиля в пределах клана создавал одну из основ экономической устойчивости хозяйства в целом: на протяжении столетий линии частоколов таких усадеб, переходивших от поколения к поколению, возобновлялись на прежнем месте¹⁰. Каждый конец Новгорода был совокупностью боярских кланов, в отличие от территорий, входивших в систему сотен, которые были населены жителями людьми, торговым людом и свободными ремесленниками, первоначально подчиненных не республиканскому, а княжескому управлению. Заметим, что исследованные к настоящему времени многочисленные ремесленные мастерские Новгорода расположены на боярских усадьбах и, следо-

⁹ *Ильинский А. Г.* Городское население Новгородской области // Историческое обозрение. 1897. Т. 11; *Майков В. В.* Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911; *Гневушев А. М.* Экономическое положение Великого Новгорода во второй половине XVI в. // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 11. Новгород, 1912.

¹⁰ *Янин В. Л.* Новгородская феодалная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981. С. 7—57.

вательно, контингент работавших в них мастеров принадлежит к категории вотчинных ремесленников, материально и духовно зависимых от владельцев усадеб.

Это обстоятельство, в частности, позволяет понять причину отсутствия в средневековом Новгороде ремесленных цехов, столь характерных для Западной Европы того же времени. Недостаточно аргументированные предположения о существовании в Новгороде ремесленных цехов высказывались в литературе¹¹. Между тем ремесленники одной и той же специальности были разобщены самой структурой кланового боярского землевладения, которое, естественно, сближало общими интересами ремесленников разных профилей, живших в пределах одного боярского клана.

Материалы, изменившие самую основу представлений о социальной топографии Новгорода, привели к созданию новых концепций, нуждающихся в более подробном рассмотрении. Остановимся на взглядах А. А. Строкова, смысл которых сводится к следующему.

Поскольку классово-территориальное деление в Новгороде отсутствовало, летописным свидетельствам о борьбе сторон не следует доверять безоговорочно. Таких свидетельств очень мало; в большинстве случаев летопись рассказывает о движениях против князя, посадника, отдельных боярских семей, архиепископа, не связывая эту борьбу с делением города на Софийскую и Торговую стороны. В тех случаях, когда борьба сторон все же отмечена, она объясняется вполне конкретными причинами. На Софийской стороне находился Кремль — резиденция крупнейшего новгородского землевладельца — владыки, и бояре, почувствовав опасность, укрывались в Кремле, тогда как восставшие начинали свои действия с захвата Вечевой площади на Торговой стороне, в силу чего все восстания вообще начинались на вече¹².

Восстания в Новгороде носили исключительно классовый характер. В ходе их на одной стороне оказывался восставший народ, а на другой — все бояре. «Рассуждая формально, сражаются две „стороны“, но по существу идет борьба не между сторонами, а между классами»¹³.

Между боярскими фамилиями, несомненно, имели место отдельные «распри», например из-за интересов в колониях, в пригородах, в Совете господ, при приглашении князей и т. д., но серьезных выводов из этого делать не следует. Сама внутрифеодальная борьба по своим масштабам и следствиям не идет ни в какое срав-

¹¹ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. Гл. 10. С. 729—776; Тихомиров М. Н. Городские и крестьянские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955.

¹² Строков А. Некоторые вопросы из истории Великого Новгорода. Новгород, 1939. С. 14 и сл.; перепечатано в кн.: Строков А., Богусевич В. Новгород Великий. Новгород, 1939. С. 14 и сл.

¹³ Там же. С. 15.

нение с классовой борьбой. Более того, подчеркивание внутривфеодальной борьбы является одним из средств в арсенале дворянско-буржуазной историографии для принижения роли классовой борьбы, попыткой растворить борьбу классов в борьбе между «партиями» в среде господствующего класса¹⁴.

Мне кажется, однако, что изложенные построения А. А. Строкова столь решительно противостоят построениям историков «дворянско-буржуазной школы» скорее по форме, чем по существу. Вопреки А. А. Строкову эти историки настаивали именно на классовом характере политической борьбы в Новгороде. Такая роль органически вытекает из самого представления о классово-территориальном делении города. При всей принципиальной неверности их методологической схемы этим работам присуще стремление осмыслить имеющиеся в летописи многочисленные сообщения о территориальных столкновениях в Новгороде и понять действительно существовавшее дробление боярства на различные соперничавшие между собой группировки. Остроту этих двух вопросов А. А. Строков попытался свести до минимума, однако они настойчиво возникают всякий раз, когда исследователь касается подробностей политической борьбы. Отказаться от рассмотрения этих проблем вовсе не значит сделать шаг вперед в методике исследования или в борьбе с «дворянско-буржуазной историографией».

Между тем можно ли вообще, занимаясь анализом общественных и политических отношений в средние века, сбрасывать со счета несомненное существование противоречий внутри самого боярства? История русского средневековья, будучи историей феодальной раздробленности, постоянно включает в себя элемент внутривфеодальной борьбы. Этот период окрашен в зловещие тона огнем пожаров княжеских и боярских «катор», и нет оснований выделять Новгород, ставя его вне общерусских закономерностей борьбы внутри самого класса феодалов.

В самом деле, как только речь заходит о внутривфеодальных отношениях в Новгороде, А. А. Строков рисует идиллическую картину монолитности новгородского боярства, в среде которого могут возникать лишь отдельные распри по отдельным поводам, которое не расколото на соперничающие группы, не борется постоянно за доходы, влияние и власть. Получается, что на протяжении всей истории независимого Новгорода монолитному черному люду противостоит монолитное боярство, в ходе борьбы сталкивается не только оружие антагонистических классов, но и два вполне оформившихся классовых самосознания. Стихийности и неорганизованности классовых движений черного люда противостоит четкая государственная организация боярства, и только в

¹⁴ Там же. С. 15; *Строков А.* Восстание Степанки в 1418 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. 3—4. Новгород, 1938. С. 106.

этом, по-видимому, с точки зрения А. А. Строкова, состоит причина неуспеха народных движений.

Рассуждая о неорганизованности народных движений, об их стихийности, А. А. Строков вовсе пренебрег тем обстоятельством, что в конечном счете восстания, вспыхивавшие в Новгороде, почти всегда побеждали, поскольку их конкретные цели бывали выполнены. Однако эти цели и эти победы оказывались полезными не для черного люда, а в каждом случае для определенных кругов боярства. В подавляющем большинстве случаев новгородские восстания, направленные против того или иного посадника, тысяцкого, боярина, приводили к свержению, а иногда казни или изгнанию посадника, тысяцкого или боярина, а на их месте появлялся новый посадник или тысяцкий из соперничающей боярской группировки. Восставшие выступали против «плохого» посадника — за «хорошего». Само это деление бояр на «плохих» и «хороших», очевидно, предполагает существование в среде боярства заметных противоречий, а следовательно, и группировок. Более того, «плохой» боярин в иных случаях оказывается «хорошим» для жителей одного конца и «плохим» — для другого конца. Хорошо известен случай, когда посадник Есиф Захарынич, вызвавший возмущение Софийской стороны, нашел защиту у жителей Плотницкого конца и всей Торговой стороны, когда тысяцкий Есиф укрылся в Плотницком конце от жителей Славна и т. д.

Мне кажется весьма значительным наблюдение В. Н. Бернадского о связи новгородских восстаний с вечевой законностью¹⁵. Действия восставших развиваются обычно как выполнение государственной воли. Восстания начинаются с принятия вечевого решения; иными словами, боярское государство само выступает против находящихся у власти бояр, что свидетельствует о существовании борьбы за высшие государственные должности внутри самой правящей верхушки.

В отличие от А. А. Строкова я не могу во всех случаях новгородских восстаний видеть возмущение всего черного люда против всех бояр. Напротив, знакомство с ходом событий всякий раз возвращает нас к признанному устаревшим положению об особой роли определенных территорий города в политической борьбе.

Если действительно в Новгороде происходила постоянная борьба боярских группировок за власть, вопрос об ее территориальных оплотах вполне закономерен. Летописец достаточно четко проводит границы этих территориальных оплотов. Это не только Волхов, который делит город на Торговую и Софийскую стороны. Это и Рогатица, отделяющая Славенский конец от Плотницкого. Это

¹⁵ *Бернадский В. Н.* Указ. соч. С. 190 и далее. Говоря о вече, я так же, как и В. Н. Бернадский, имею в виду вече, руководимое должностными лицами, а не самостоятельное народное собрание.

и Загородье, отделяющее неревлян от пруссов. Иными словами, рубежи политической розни новгородского боярства проходили по границам концов. Один конец мог противостоять остальным, он мог блокироваться с другими концами против конкретного конца или такого же блока других концов, но во многих случаях конец в глазах летописца является не только административной, но и политической единицей. В самой кончанской организации заложена основа группового сплочения бояр-соседей. Поэтому достаточно реалистично представление о возможности существования боярских группировок, связанных с определенными районами Новгорода.

Такое представление находит сильнейшую поддержку в той исходной картине новгородской топографии, полученной на основании археологических данных, согласно которой на месте будущего Новгорода («Нового города») первоначально существовали возникшие на рубеже IX—X вв. три древнейших поселка Неревский, Людин и Славенский, соответствующие трем изначальным концам, объединение которых и породило феномен Новгорода ¹⁶.

В послевоенной исторической литературе проблема кончанской организации Новгорода привлекала внимание исследователей ¹⁷. А. В. Арциховский исследовал ее наиболее подробно и, касаясь вопроса об ее первоначальном характере, присоединился к основательному предположению Б. Д. Грекова о том, что кончанское деление могло быть не только исконным, но и догородским. Б. Д. Греков сопоставлял кончанское деление Новгорода с кончанским делением новгородских волостей, в системе которых концами обозначались совокупности деревень ¹⁸. Если это сопоставление правильно, можно предполагать, что Новгород, возникший как город в результате сплочения нескольких до того замкнутых в своих территориальных границах поселков, своей основой имел то, что каждый из этих поселков был совокупностью отдельных поселений. В дальнейшем эти поселки сохранили заметные элементы своей обособленности, культивируя их в поддержании кончанской административной системы на протяжении всей самостоятельной истории Новгорода.

¹⁶ Впервые это наблюдение, подтвержденное в дальнейшем многолетними раскопками в разных районах Новгорода, было изложено в статье: *Янин В. Л., Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // *История СССР*. 1971. № 2. С. 32—61.

¹⁷ *Арциховский А. В.* Городские концы в древней Руси // *Исторические записки*. 1945. № 16; *Рабинович М. Г.* Военная организация городских полков в Новгороде Великом в XII—XV вв. // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. 1949. Вып. 30.

¹⁸ *Греков Б. Д.* Новгородский дом Святой Софии. Ч. 1. СПб., 1914. С. 291.

Изложенные свыше сорока лет тому назад, эти соображения подкрепляются общими наблюдениями над процессом возникновения поселений на месте будущего Новгорода. После кончины Рюрика, призванного союзом новгородских словен, кривичей и чуди и обосновавшегося на Городище, изначальный договор с приглашенным князем был нарушен его преемниками Олегом и Игорем, ушедшими на юг в поисках более привлекательных столов. Возникший в результате политический вакуум был заполнен сселением на место будущего Новгорода на пересечении важнейших торговых путей протобоярства — племенной знати, которая и освоила территории будущих трех древнейших концов, каждый из которых, следовательно, обладал внутренней сплоченностью, унаследованной от внутриплеменных связей.

Таким образом, сами кончанские границы являются незатянувшимися швами, по которым в древности было сшито городское тело Новгорода. Эти швы могли бы сгладиться только в том случае, если бы древнее кончанское деление проявило тенденцию к отмиранию, превратилось бы в пережиток и наконец уничтожилось. Однако оно существует не как пережиток, а как конструктивная основа государственного управления, государственного представительства и военной организации. Его могло поддерживать лишь соперничество концов, противопоставление каждого конца всем остальным. Поиски причин такого соперничества возвращают нас к вопросу о существовании в Новгороде территориальных боярских группировок, борющихся за власть.

М. Н. Тихомиров сравнил подобную борьбу в Новгороде с борьбой гвельфов и гибеллинов во Флоренции¹⁹. Эта параллель достаточно убедительна. И во Флоренции, и в Ферраре, и в других итальянских средневековых городах борьба аристократических родов за власть составляла существенную часть политической жизни и также втягивала в свою орбиту массу городского населения — ремесленников и торговцев. Городской плебс, пытаясь удовлетворить свои чаяния, выступал против части господствующего класса в поддержку другой части того же класса. Однако его борьба, заключенная в рамки внутрifeодальных столкновений, не могла увенчаться серьезными успехами, так как цели борьбы каждый раз определялись самой аристократией.

Феодальная борьба в Новгороде постоянно включала в себя политический элемент. Она происходила не только в форме боярских схваток, но и на вечевых собраниях всех уровней, вовлекая широкие массы населения Новгорода. Что касается классовой борьбы, то одной из основных ее особенностей в Новгороде было постоянное смыкание с внутрifeодальной борьбой за власть. Более того, в ходе восстаний та часть боярства, которая находилась в оппозиции наличным властям, охотно становилась во главе восстания, направляя его в своих

¹⁹ Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 239.